

ПРОЛОГ

Светлана ТЮРЯЕВА

г. Петушки

Маму считали человеком с тяжёлым характером. Даже мы, дочери, частенько таили на неё обиду. Не было в нашей семье волшебных сказок на ночь, сюсюканий и успокаивающих поцелуев. Но и жёсткого контроля успеваемости в школе тоже не было. «Прежде всего это нужно вам, — говорила она. — Вам дальше жить». Строгости в воспитании добавляла и дисциплина школы-интерната, где мы учились, и отсутствие красивых, модных нарядов. Необходимость их покупки мамой даже не рассматривалась. В семье царил негласный закон: хочешь обнову — шей или свяжи. Не из чего? Распусти, распори, перекрой. Это сейчас, спустя годы после её смерти, я поняла, какую школу выживания прошли мы с сестрой благодаря нашей маме. Сколько полезных уроков скрывалось за этой жёсткостью. Так, из череды воспоминаний юности мне особо помнится один маленький эпизод.

В конце семидесятых мама работала на фабрике в Орехово-Зуево и в утреннюю смену вставала очень рано — в четыре часа. Возвращалась домой она обычно лишь к четырём дням.

В то лето моя старшая сестра жила у бабушки с дедушкой (родителей папы), а мы с мамой — вдвоём.

Мне — тринадцать лет. Уже взрослая, чтобы самой убирать в доме и приготовить обед, но... Часов в десять утра я с подружками убежала купаться на озеро. Думала: вернусь и успею сварить макароны. Едой мы были не избалованы, яйца в холодильнике появлялись нечасто, колбаса — только с маминой полочки или в праздник. Так что жаренные с луком макароны были верхом моих кулинарных возможностей.

Время пролетело незаметно. Лишь собственное чувство голода напомнило мне о домашних обязанностях. Только поздно. Провинившаяся, я поспешила домой, ожидая нареканий, тихонько открыла незапертую дверь квартиры, вошла...

ЛЮСЯ РАНФИУСОВА. ШКОЛА ЖИЗНИ

Мама сидела за кухонным столом с куском черного хлеба в руке и стаканом чая. Я пробежала взглядом по пустым полкам холодильника и тихо присела рядом. Готовить было лень, а есть хотелось очень.

— Вкусенького хочется, — начала я осторожно, — макароны надоели.

— А для меня нет ничего вкуснее сладкого чая с чёрным хлебом! — жёстко сказала мама, звучно поставила пустой стакан и встала из-за стола.

Такое сочетание продуктов даже на голодный желудок мне показалось неприемлемым. Пришлось варить макароны.

* * *

Детями мы с сестрой не раз слышали мамин рассказы о трудном блокадном детстве, о тяжелой послевоенной юности, но никогда не примеряли это на себя. Позднее она напишет свои мемуары и попросит меня их прочесть. Признаюсь честно: читать их я принялась лишь спустя девять лет, после маминой смерти. И то, что ранее казалось мне нудным, неинтересным и даже навязчивым, раскрылось совсем в других красках. А эта фраза, сказанная когда-то в укор: «Нет ничего вкуснее сладкого чая с черным хлебом!» — с болью и чувством незаглаженной вины теперь постоянно всплывает в моей памяти.

* * *

Мне не забыть ту осень. Последнюю осень её жизни. Природа не поскупилась на пышные проводы — порадовать напоследок красотой своё увядающее в муках дитя. Теплые солнечные дни, золото листья, кипень цветения альпийских астр...

Я внесла в дом сиренево-розовый букет так любимых мамой цветов и поставила его на телевизор, как было принято:

— Посмотри, мама, какая красотища!

Измученная болью, она попыталась перевести на меня свой отрешённый взгляд и, едва выдавив улыбку, сказала:

— Я прожила хорошую жизнь. Была любовь, дружба, семья, работа... Находились люди, готовые мне помочь, и те, кому помогала я...

Помощь — это то, чего она так часто была лишена в жизни, и то, что принимала со слезами на глазах как лучшую награду. Вот что ценила ленинградка Люся, потерявшая ребенком семью, кров и здоровье. Вот что она, не раз обиженная судьбой, считала счастьем! Как все на своём пути, познала мама и любовь, и разочарование, и горести, и радости. Карабкалась и спотыкалась, падала и поднималась снова — жила! Как умела и как её научила жизнь.

ЛЮСЯ

Светловолосая девчушка лет шести аккуратно оторвала от земли тоненький стебелёк белого клевера, подняла цветочек вверх и, зажмурив один глаз, посмотрела на солнце сквозь ажурный шарик. Красиво. Вчера был плохой день. По радио сказали, что началась война. Все страшно расстроились, и Люсе захотелось порадовать маму цветочками. Она набрала домой маленький букетик, но совсем не хотела уходить от весёлой зелёной лужайки. Сквер находился рядом с домом и был любимым местом её прогулок, если, конечно, не считать набережную. Вообще, Люсин дом располагался в очень хорошем месте. Вышла из парадного, повернула налево — пять минут, и ты в тенистом скверике. А прошла через чёрный ход во двор — и вот тебе выход на набережную реки Карповки. Ещё у дома была арка, куда машины заезжали. Через неё можно было со двора на проспект выходить.

Ах, как любила Люся гулять с папой по набережной! Её папа — военный. У него шинель и фуражка с кокардой. Девочке нравилось наблюдать, как одни военные при встрече с другими военными прикладывают руку к козырьку. Честь отдают, знала Люся и гордилась этим. Иногда она тоже поднимала свою ладошку ко лбу, что вызывало у встречных улыбку и добрую фразу «папина дочка». Жаль только гулять с папой выдавалось редко...

Ещё у Люси была сестра Тамара, старше на девять лет, которая больше времени проводила с друзьями. Поэтому пятилетняя Люся в сквер сбегала погулять одна или под присмотром соседки. Радостным событием для девочки были походы с мамой к папе на службу. В

таких случаях девочку особо нарядно одевали и аккуратнее причёсывали. Она знала, что шуметь и мешаться там нельзя, поэтому соглашалась подождать в холле, возле фигуры большого белого медведя, стоявшего во весь рост. Люся провожала взглядом маму, пока та поднималась по лестнице, и принималась играть с медведем. Иногда родители находили дочь мирно спящей там же.

Днём, когда папа заходил домой, с ним обязательно были два военных в бушлатах и с ружьями. Они вставали у дверей и ждали, когда папа пойдет обратно. Маленькая Люся крутилась возле них, рассматривая блестящие пуговицы на черном сукне, и тянулась пальчиками — потрогать, покрутить.

— Оставь в покое пуговицы, Люся, а то ребятам опять придётся их чистить, — улыбаясь, журил её папа. Потом брал дочку на руки и относил в комнату. В их комнате было много книг. Люся считала, что папа такой умный, потому что всё это прочёл. Она сидела перед стеллажами, уходящими в потолок, рассматривала разноцветные переплеты и мечтала полистать одну, с блестящими буквами, лежащую в самом верху. Однажды ей показалось это возможным — кто-то из домашних забыл убрать от стеллажей стремянку — и девочка полезла... Очнулась Люся в больнице на руках у папы. Тётя в белом халате говорила: «Не волнуйтесь, Георгий Фёдорович, зашьём, ничего не почувствует. Вон она какая у вас смелая. В папу».

Когда сказали, что началась война, Люся испугалась, но не сильно — она же смелая девочка. У неё теперь даже шрам есть на подбородке. Ничего особого поначалу не случилось. Так же светило солнце, так же текла река, только люди стали какие-то грустные. И папа дома не появлялся. Однажды, возвращаясь с прогулки, они с мамой остановились у парадного, и та сказала: «Что бы ни случилось, Люсенька, запомни: ты родилась 25 июня 1935 года, в 8 утра, в Ленинграде». Но это было ещё осенью, а зимой...

Пока никто не видит, смелая Люся смотрела через растопленный на стекле дыханием глазок на улицу. Шторы открывать было нельзя. Гулять тоже. Привычная для девочки улица теперь казалась страшной и чужой, а их комната — тёмной и холодной. Зато Люся узнала, что

на букву «Б» есть слова: буржуйка, бомбёжка и бомбоубежище.

Буржуйка — железная печка — стояла теперь в их комнате, и её надо было топить. То есть сжигать всё, что горит, чтобы было тепло. Но тепла, как раньше, всё равно не было, и все жильцы дома ходили по комнатам в тёплых одеждах. Мама, Люся и старшая сестра Тамара теперь даже спали тепло одетыми и в одной кровати.

Бомбёжка — это когда сначала сильно воет, потом гроыхает, когда дома ломаются и люди плачут... Хотя сначала плакали, потом перестали — только убегали в бомбоубежище. Туда, куда все бегают, когда бомбёжка.

А ещё маме дали карточки. Такие серо-желтые бумажки, расчерченные на квадратики. В каждом квадратике что-то написано. Мама говорила, что без них нечего будет кушать. А кушать очень хотелось.

Первое время, ожидая прихода мамы из магазина, Люся ещё надеялась увидеть что-то вкусненькое и с нетерпением подбегала к столу. А потом даже хлеба им доставалось всё меньше и меньше. Однажды соседка, Роза Осиповна, показала маме какой-то сверток, сказала, что это клей, из него можно приготовить еду, и в тот же вечер принесла миску с чем-то похожим на кисель. Она налила понемногу в две тарелки только Люсе и маме, потому что Тамара ещё не вернулась из госпиталя, куда ходила помогать санитарам.

Люся очень быстро съела свою порцию и заглядывала в мамину тарелку. А мама почему-то медлила, не ела и постоянно отворачивалась от стола осмотреть комнату. Люся ловила момент, чтобы тайком отхлебнуть по ложечке от маминой порции...

Всю жизнь она будет вспоминать этот вечер, свою детскую хитрость, мамины глаза, руку, гладящую её по головке, потому что это был их последний вечер с мамой.

ПРОЩАЙ, ЛЕНИНГРАД!

В это утро Люся проснулась первой и по привычке обняла маму... Та лежала совсем холодная и не просыпалась.

— Мам, мам, вставай! — кричала девочка, пока не разбудила сестру.

— Я трясу, она не встаёт! — жаловалась Люся с обидой на плохую шутку.

Тамара встретила самый чёрный день их жизни по-взрослому. Девочки зашили маму в голубое одеяло, оставили в комнате, и старшая из них пошла за помощью, а Люся — на улицу.

Выйдя из парадного, что давно не позволялось делать одной, девочка встала у двери и рассказывала всем входящим и выходящим, что мама умерла. Это была её первая встреча со смертью. Первая из большой череды смертей, что предстояло ещё увидеть. И первой была мама. Мама, которая, казалось, всегда будет рядом, пожалеет, приласкает, защитит. Мама, которой больше нет.

Как выносили маму из квартиры, Люся не видела, но тела её, зашитого в одеяло, в комнате не оказалось. Загадка этого исчезновения так и осталась для девочки неразгаданной.

Весеннее солнышко слепило. Очень хотелось прищуриться, подставить теплу своё личико и радоваться началу весны. Хотелось забыть о темноте холодной комнаты, о маме в голубом одеяле, но...

Детский дом, где теперь жила Люся, был рядом, на той же набережной, но по другую её сторону. На прогулке девочка подолгу стояла, глядя с тоской на вход во двор своего дома. Выискивала взглядом окна их квартиры и пыталась рассмотреть во дворе знакомые фигуры. Она очень хотела бы крикнуть им: «Я здесь, я рядом!» Пусть скажут об этом папе. Вдруг он приехал и не знает, что его Люся здесь? Да разве докричишься. Как она хотела бы вернуться туда, к привычным для неё вещам. Туда, где им всем было хорошо вместе, где папа брал её на руки и, смеясь, носил по комнате, где всей семьёй они радовались, справляя праздники и дни рождения.

Люся помнила, как делилась со встречными своим первым горем. А теперь у неё два горя — Тамара погибла в бомбёжку.

Бомбёжка — это слово для девочки приобрело более страшное, чем раньше, значение. Оно забрало Тамару и чуть не убило её саму. Случилось так, что работница детдома, переносившая в бомбоубежище ослабевшую Люсю, упала вместе с ней. Обе получили травмы и попали в больницу. А там девочка вновь училась ходить. Ноги не слушались. Она с трудом пере-

двигала их, опираясь на палочку. Вокруг были такие же пострадавшие, с перебинтованными головами, руками, ногами, и даже те, у кого ног или рук уже не было. Как и все, Люся мирилась со страшной действительностью и училась выживать. Радостью для девочки было встретить в больнице ту знакомую женщину-врача, что принимала её из папиных рук после падения со стремянки.

«Ну что, папина дочка, я смотрю, ты падать любишь?» — шутила она, а Люсе было приятно.

«Деточка, запомни наизусть свои имя, фамилию, отчество и дату рождения», — говорили ей. Люся помнила. Она отвечала скороговоркой заученную фразу: «Я — Люся Георгиевна Ранфиусова, родилась 25 июня 1935 года, в 8 утра, в Ленинграде» и получала в ответ одобрительные улыбки. Девочка очень хотела поскорее выздороветь и мечтала в день выписки, в дверях больницы увидеть своего отца, важного, в длинной чёрной шинели, в фуражке с кокардой. Вот он войдёт, скажет: «Где тут моя смелая Люся?» и заберёт её с собой. А она... Она обязательно расскажет ему и про маму, и про Тамару, и про бомбёжку.

Но из больницы Люсю вернули в детдом на набережную, а там окончательно рассеялись её мечты и разрушились последние надежды. Папа Люси погиб! Страшную весть сообщили воспитательницы. Как ни старались они состраданием, ласками, поцелуями облегчить боль детской души, пустота поселилась в ней. Все вокруг умирают. Вот и Люся осталась одна. У неё никого больше нет: ни мамы, ни папы, ни Тамары! Эта мысль прижилась в детской головке.

«Тебе нельзя оставаться в Ленинграде, — советовали взрослые. — Надо эвакуироваться. Соглашайся».

Из детдома на набережной Люсю перевели в другое учреждение — приёмник-распределитель, а там в ещё одно, где стали готовить к эвакуации. Девочка согласилась уехать. Там, куда их должны перевезти, нет ни войны, ни бомбёжек. А Люся очень боялась бомбёжек. Ей казалось, что большие дома разрушатся и обязательно завалят её так же, как и Тамару. А спастись от смерти поможет только эвакуация.

Эвакуация — новое слово и новый этап жизни. Вот она — на судне, плотно набитом детьми. Рядом — Нина Виноградова и мальчик Саша со странной фамилией Фас, — ребята из того детского дома, что на набережной. Они вместе покидают свой город, оставляя в нём детские радости и разбитые надежды. Ах, как Люся завидовала Нине, когда ту навещал папа. Высокий, в военной форме, он успокаивал дочку, целовал и прижимал к себе. Значит, и у Нины тоже больше нет папы. Девочки переглянулись и, не сговариваясь, взялись за руки. Они держались так весь путь через Ладогу, объединённые общим горем и болью. Ещё у них, как и у многих детей с этого судна, от дистрофии и долгого сидения в тесноте сильно разболелись ножки. Только плакать об этом было бесполезно, но и встать, чтобы сойти на берег самим, тоже не получалось. Всех, сильно ослабевших, в машину на руках переносили военные из группы сопровождения. Люся уткнулась носом в плечо своему помощнику и вдыхала, вдыхала запах гимнастерки. Она ещё помнила, как пахла папина форма.

* * *

Вагон, в котором перевозили детей в эвакуацию, назывался «теплушка». И это новое, доброе, тёплое слово запомнилось Люсе совсем не по-доброму. Товарные вагоны, оборудованные печью для обогрева и нарами, на которых в пути спали дети, отвозили ленинградцев в далёкую Сибирь. Дорога была долгой, больше месяца. Перед посадкой всем наказали вести себя тихо, не шуметь и не высовываться из вагонов, так как могут быть жертвы при бомбардировках. Из-за постоянного грохота колёс, гула, ударов и рывков вагона ехать было очень тяжело. На остановках в вагон заглядывали сопровождающие — посмотреть, все ли живы, и выносили детей, которые уже не просыпались.

Светлым пятном в памяти Люси об этом переезде осталась свежая капуста. Кочаны раздавали по вагонам, и дети ждали их как лучшее угощение. Две подружки теперь держались вместе. Они вдвоём забивались в уголок на нарах, жевали светло-зелёные листья, мечтали о большом ломте черного хлеба с хрустящей

корочкой и всё дальше отдалялись от войны и голода туда, где их ждала мирная неизвестность.

В ЭВАКУАЦИИ

Красноярский край встретил детей холодной промозглой погодой. На дворе октябрь, а они одеты не по сезону. Зябко. Но Люсе запомнилось другое: люди возле дверей вагона и руки, протягивающие еду. Их много... Они отовсюду: слева, справа, спереди... И в каждой руке что-то лежит: варёные овощи, хлеб... Люсе досталась ржаная горбушка. Она сжала её посильнее в кулачок, боясь потерять, и смаковала, откусывая маленькими кусочками.

Чуть позже на той же станции детей накормили горячим обедом, раздали кое-какую одежду, посадили на подводы, укутали собачьими тулупами и повезли в деревню. А по прибытии разместили в большой комнате и напоили отваром из хвои. Неприятным на вкус, но очень полезным. Штанишек и рубашек на всех мальчиков не хватило, поэтому Саше Фас досталось платье. Но остальных детей это ничуть не смутило: «Не голым же ему ходить».

Люся лежала на своём топчане и рассматривала комнату. Ноги у девочки кровоточили, бинтов не было, вставать было больно. Если только в туалет. А туалет был тут же — два деревянных ведра. Люся перевела взгляд с окна на ведра. Возле одного из них стоял Саша.

— Это даже хорошо, что он в платье, — подумала Люся. — Не так стеснительно.

Дверь открылась. В комнату заглянула девочка старшего возраста и уставилась на Сашу. Через секунду она смеялась над ним и взглядом искала себе компанию. Только никому, кроме неё, смешно не было. Ослабевшие от голода и долгого переезда дети лежали, молча уставившись на глупо смеющуюся девчонку.

— Я же сильная, в папу, — вспомнила Люся, — а папа бы не смолчал...

Она встала со своего топчана, медленно передвигая окровавленными ногами, подошла к заглянувшей в комнату и с максимально страшным видом прошипела: «Уходи от нас! Уходи! А то я тебе сейчас горло перегрызу». Угроза подействовала, незваная гостья ушла, а

семилетняя Люся чувствовала себя героиней. Легкое рукопожатие совсем ослабевшей Нины стало для неё лучшей наградой.

Что значит страшное слово «цинга», обе подружки познали на себе. Опухшие десны кровоточили, на ножках появились кровоточащие язвы. Страшно неприятный запах изо рта никого не смущал — обе болели одинаковой болезнью, и Люся, и Нина. Только Нина сильнее.

Та, старшая девчонка, которую выгоняла Люся, навещала к ним ещё не раз, но ни над кем больше не смеялась. Она по очереди присаживалась к больным подружкам на топчан и расспрашивала о родне, о папе, маме и о Ленинграде.

* * *

Следующая деревня, где Люся задержалась надолго, называлась Партизанская. Она запомнила это военное название, потому что лежала в больнице с ранеными. Там эвакуированных детей навещали местные жители, приносили деревенские угощения. Каждому доставалось по одной морковке, по головке чеснока и по целой кедровой шишке. Иногда попадалась даже репа. А раненые охотно делились с детьми хлебом, чистили для них орешки и по возможности старались хоть как-то развеселить. Там было лучше, но именно там Люсю ждала новая потеря.

Нина отошла тихо, не прося о помощи. Просто долго-долго спала, потом к ней подошёл раненый, потом врачи, а потом... Люся вспомнила, как зашивали в голубое одеяло маму.

— Наверное, Нина тоже такая холодная, — подумала девочка.

Ей очень захотелось в последний раз подержать подружку за руку, как тогда, на судне. Но сама она была лежащая и лишь уставилась в потолок широко раскрытыми глазами. Так прошёл не один день.

— Давай-ка я тебе что-то покажу, — сказала женщина-врач, взяв Люсю на руки, и поднесла к окну.

— Смотри, к нам прилетел самолёт! Он привёз кровь, и ты поправишься! Обязательно поправишься!

Люся впервые видела самолёт так близко (через окно). Она постаралась рассмотреть

пилота, санитаров, переносимые ими ящики, чтобы запомнить... Запомнить всех, кто поможет ей выздороветь. А потом...

Люся лежала на столе. Вокруг врачи, белые халаты, приглушённые разговоры. Что-то у них не получалось, и девочка в страхе прислушивалась к каждому слову.

— Не бойся, — шептала ей на ухо женщина-врач, та, что показывала самолёт. — Мы делаем всё возможное, ты будешь жить.

Её тёплая рука коснулась детской ладошки, и Люся закрыла глаза. Там, в деревне Партизанской, девочка снова училась ходить. Третий раз в жизни. Сначала совсем малышкой дома с мамой и папой, потом в Ленинграде после падения в бомбёжку и сейчас, медленно, шаг за шагом. А по приезду в деревню Иннокентьевка уже могла передвигаться самостоятельно.

* * *

Иннокентьевка запомнилась баней. Раньше девочка не мылась в деревянных тазах и в одной комнате с мальчиками. Было бы здорово посидеть подольше в теплой воде, в окружении мыльной пены, где даже воздух пахнет по-особому, а по спине растекается приятное тепло. Но воспитатели торопились поскорее переменить детей, не давая им долго расслабляться.

— Ой, да ты у нас меченая! Смотрите, какая родинка, — громко вскрикнула женщина, помогающая Люсе мыться. — Дай бог, детка, чтобы тебя по ней нашли!

Все, кто в тот момент был в бане, посмотрели в их сторону. Девочка стояла голой и смущалась. А на её правом боку чернело круглое пятно размером с монету, о котором сама Люся давно забыла.

ХАЙДАК

Это потом самые лучшие воспоминания Люси из послеблокадного детства будут связаны с деревней Хайдак. А поначалу сибирская деревушка, населённая переехавшими из Эстонии представителями народности сету, для семилетней девочки показалась слишком мрачной, дорога на лошадях — утомительной, а дом, где их поселили, — маленьким. А ещё

полуразрушенное здание местного храма напомнило Люсе о бомбёжках и заваленных камнями улицах её родного города. Но это всё сначала, а потом...

Непривычная для городской девочки деревенская жизнь потихоньку стала раскрывать свои прелести. Забота, которой окружили детей местные жители, помогла забыть о страшных воспоминаний и тоски по потерянным близким. Люся полюбила новые порядки. Ей понравилось ходить в гости на «домашние посиделки» к жителям деревни. Пить с ними чай, слушать народные песни. Правда, пели они на своём языке, но всё равно это было весело. Люся даже выучила два эстонских слова: лейб — хлеб, айтюма — спасибо. Она с интересом рассматривала убранство деревенских домов, развешанные на стенах ярко-красные полотенца с вышивкой, самотканые половики. Девочка впервые увидела станок, на котором те половики ткали, узнала, как живут куры, как доят корову, и полюбила пить парное молоко. Стараниями местных жителей у детдомовцев появились игрушки — тряпичные куклы и вырезанные из дерева фигурки. Так пролетела первая мирная и полная новых познаний зима. А весной Люсю ждало ещё много интересного.

На одной из прогулок возле полуразрушенного храма она нашла небольшой комочек глины и попробовала что-нибудь слепить. В детских пальчиках комочек превратился в чашечку. Девочка увлеклась, и вскоре на старых кирпичках в ряд лежали: тарелочка, чашечка и даже собачка с человечком. Идея лепить фигурки понравилась и другим воспитанникам. Дети разбрелись вокруг развалин в поисках глины, а Люся, крадучись, пролезла внутрь строения.

Высооченные стены и выпуклый потолок внутри храма были разрисованы странными картинками с человеческими фигурами. У некоторых, нарисованных на самом верху, имелись крылья, у других вокруг головы — светлый круг.

Люся стала придумывать к настенным рисункам свои истории, особенно для тех мест, где облетела штукатурка, и совсем забыла о времени. Так спокойно и хорошо было в этом месте, что вернуть в реальность её смогли только крики с улицы — воспитанников собирали на обед.

Девочка не захотела ни с кем делить свою тайну. С этого дня полуразрушенное строение стало её личным тайным местом. Но лишь до прибытия в детский дом пополнения. Среди вновь поступивших детей оказались Люсины знакомые: Саша Фас, Эдик Шульц из Ленинградского детдома и Толя Блинов, с которым она тоже сразу подружилась. Исполненная радостью от встречи, девочка поделилась с друзьями своим секретом.

— Вон тот всадник на коне с пикой — Георгий Победоносец, — со знанием дела сообщил Саша. — Мне бабушка рассказывала. Он военный!

Сердечко Люси защемило: «Георгий! Военный, как папа!»

— Они живут на небе, там теперь все, кто умер, — продолжал он. — Вон те, нарисованные с крыльями, — главные. Их называют ангелами. Они нас видят и слышат, а потом про нас тем, что на небе, рассказывают.

Познания Саши добавили ощущения важности Люсиному тайному месту, и четверо друзей решили вместе хранить этот секрет. Ребята частенько прятались в полуразрушенном храме, а работники детдома хорошо знали об этом и не ругали их.

Дружная четвёрка: смелая Люся и трое мальчиков, просуществовала до конца войны, а после детей из Хайдакского детдома стали распределять по разным местам. Тех, у кого остались живы родители, — увезли в Ленинград, детей со странными фамилиями — куда-то отдельно. А Люся опять осталась одна. Когда становилось совсем грустно, она уходила в тайное место поплакать. Поднимая голову на высоченный, округлый, как яйцо, потолок, разглядывала крылатых ангелов и шептала им свои детские обиды. Люся верила, что добрые лица со стен жалеют её, а всадник на коне обязательно всё передаст её папе, тоже Георгию. И девочке этого было вполне достаточно. Иногда она засыпала там же, оставаясь один на один со своими мечтами, как раньше, в ожидании родителей, возле того белого медведя, что стоял в вестибюле на папиной работе.

Вернуть Люсе хорошее настроение помогали прогулки в тайгу.

Тайга — новое слово, покорившее детское сердечко. Как же там красиво! Цветы, всюду

цветы и трава, которую можно рвать и есть: черемша, тмин. Разве можно сравнить целое поле живых цветов с красивым названием «марьян корень» с серыми разрушенными домами на заваленных камнями улицах умирающего города. Даже любимая лужайка сквера, усеянная белым клевером, не шла ни в какое сравнение с красотой тайги.

В весенние и летние месяцы детдомовских детей привлекали на помощь в сборе березовых почек, черемши, кедровых шишек. Кто постарше — ворошили сено, заготавливали березовые веники и возили воду из речки. Забот было много.

А у Люси было ещё одно интересное занятие — изучать тайгу. Она научилась у местных женщин распознавать время по солнцу, узнавать, где север, где юг, без страха уходила в тайгу на небольшие расстояния и возвращалась всегда вовремя. Услышав как-то в разговоре, что у дальних сопок, вдали от деревни, растут синие подснежники (сон-трава), девчонка решила испытать себя и отправилась за цветами, не сказав никому о своих планах. По дороге Люся вышла на поляну с каким-то поселением: похоже на палатки дома, люди, домашние животные. Внимание девочки привлёк мужчина с ружьём. Она уже знала, что оружие бывает не только у военных, а ещё у охотников, и не испугалась. Лишь на минутку остановилась, осмотрела мужчину и продолжила путь. А путь оказался неблизким, и надо успеть вернуться вовремя. Спыхватятся, что её долго нет, — ругать будут.

Завечерело. Люся уже подходила к детдому, когда вновь встретила незнакомца с ружьём. Он разговаривал с воспитательницей, а та встревоженно повторяла: «Наша, наша».

Букетик синих подснежников в Люсиных руках появился между собеседниками.

— Вот! Это вам!

Оба в недоумении переглянулись:

— Пришла! Сама. Ишь, какая смелая! Взрослая стала?

— Так мне уже десять, — сказала Люся, и это звучало как само собой разумеющееся.

В свои десять лет она уже много чего знала о тайге, об опасностях, подстерегающих в ней, и способах их избежать, но совершенно не умела ни писать, ни читать, потому что в школу ещё не ходила. Таким вот переростком осенью того же

года Люся отправилась в первый класс. А весной её ждал г. Канск.

КАНСК

Тяжело возвращаться к тому, от чего едва сумел уйти. Вместо надежд на лучшее, доброе, светлое получить разворот назад к темноте, боли и страху. Понимать своё бессилие перед обстоятельствами. Ты мал и слаб. Твоя жизнь зависит от решений тех, для кого ты всего лишь единица в отчетности. Они сейчас распоряжаются — им виднее. А тебе не привыкать к голоду и холоду. Плохо отапливаемый дом, кислая капуста каждый день. Надоело? А ты вспомни кисель из клея в промёрзлом Ленинграде. Тут как-никак бывает и картошка в мундире с солью. Правда, редко, но пайка хлеба тебе обеспечена. Если, конечно, никто не отнимет...

Такими вот изменениями наградила Люсю весна 1946 года. Обстановка в Канском детдоме совсем не походила на уже привычную для неё в деревне Хайдак. Дети, выросшие на улице и познавшие «прелести» преступной жизни, составляли основной костяк. Они козыряли грубостью, пошлостью, блатным жаргоном. Власть держали старосты — наказывали, миловали кого захотят и как им вздумается. Слово «тёмная» для воспитанников имело новое пугающее значение. Оно эхом шипело по комнатам, мурашками пробегало по спинам и тихим детским плачем высыхало на глазах. От страшного наказания Люсю спасали два обстоятельства. Первое — то, что среди старших воспитанников были ленинградцы — они взяли девочку под свою защиту. И второе — она большую часть времени проводила в больницах — ослабленный организм и дважды перенесённая цинга были тому причиной. За всё время Люся училась в трех школах, и везде понемногу, в перерывах между болезнями.

Однажды на уроке русского языка учительница привела пример, используя Люсину фамилию. Рассказала, что богатый род Ранфиус, имеющий в собственности острова на Ладогe, после революции к своей фамилии присоединил окончание «ова», и получилось Ранфиусова. Насколько это было правдой, никто не знал, но фраза «из бывших» в адрес девочки прозвучала.

чала. После такого обвинения Люся боялась вернуться в детдом. Она чувствовала себя в чем-то виноватой, а в чём, сама не знала. Её уже не раз вызывали к директору и расспрашивали о родителях. Единственное, что могла сказать девочка, потерявшая в шесть лет семью: «Моего папу звали Георгий Фёдорович, у него была длинная чёрная шинель и кокарда!» А слову кокарда Люся придавала очень большое значение.

Девочке захотелось поделиться своими обидами со всадником Георгием или ангелами, и она уговорила подружку пойти искать церковь. Оказалось, идти не так далеко. А по дороге девочки выбрали раненого воробушка. Они положили птенца на ступеньки входа в храм и присели рядом, не зная, что с ним делать дальше.

Из церковных дверей вышла старушка с палочкой, трижды перекрестила себя, поклонилась и собралась уходить.

— Бабушка, бабушка! Посмотрите, что у нас! — наперебой закричали девчонки.

Старушка глянула на их находку:

— Бросьте его! Когда Христа казнили, он гвозди подавал! — сказала и резко сбросила клюкой птенца на землю. Птенец ударился о каменную стену, упал и больше не шевелился. А старушка, что-то ворча, пошла прочь.

— Сюда ходят злые старухи, значит, мне туда не надо, — решила Люся. — Наверное, это другая церковь.

Они с подружкой соорудили воробушку могилку и отправились в ненавистный для обеих детский дом. Если б вы знали, как Люся мечтала покинуть его. Уехать и никогда не возвращаться. После той доброты и заботы, которой были окружены дети в деревне Хайдак, жизнь здесь казалась страшным нескончаемым сном. Спустя много лет Людмила Георгиевна Ранфиусова будет вспоминать годы, проведённые в Канском детдоме, как самые тяжелые. Даже в сравнении с пережитым в блокадном Ленинграде.

Ни мелкий ремонт, проведённый с помощью шефов — солдат, ни подготовленный ими запас дров на всю зиму не принесли воспитанникам особой радости. Стало теплее в доме, но не на душах осиротевших детей. Беспредел старост не прекращался. А время шло. Дети выросли.

Люсина смелость пряталась где-то очень глубоко и совсем не желала вылезать. Старшие ленинградцы готовились к выпуску, и девочку пугала возможность остаться без их защиты. Спасение пришло откуда не ожидалось. Ирина Калинина — так звали старосту, державшую в то время власть над воспитанниками, позвала Люсю на разговор.

— Послушай, переросток! Тебе почти тринадцать, должна школу заканчивать, а всё еще в третьем классе сидишь. С такими успехами зависишь здесь пожизненно. Хочешь вернуться домой — просись на производство. Скоро будут группу набирать в ФЗО, повезут ближе к Москве. Запишись туда, всё ближе к дому.

Насколько бы грубо ни звучали слова из уст старосты, они пришлись как нельзя вовремя. Люся воспользовалась советом той, кого сильнее всех боялась весь последний год проживания в детдоме.

ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ

Колеса поезда отбивали монотонный ритм. «Тутук-тутук-тутук» — отдавалось в груди радостным пульсом. Желание нового, непознанного, но обязательно светлого, переполняло сердце. Всё дальше отдалялась весенняя тайга, гудком прощались станции, мигали фонарями полустанки. Талые апрельские снега сменялись заспанными, заросшими пашнями, облысевшими пролесками, пригорками с россыпью золотых глазков мать-и-мачехи. Весеннее солнце нещадно слепило в окно, и всё вокруг было пронизано его светом.

Исполненная радостных ожиданий Люся ехала ближе к Москве, а значит, и к Ленинграду — к родине. Там, в городе Собинка, в школе ФЗО, её ждала новая жизнь, взрослая. В июне — ей четырнадцать! Будет сама зарабатывать. Покупать всё, что захочется. А потом, когда получит паспорт, накопит на билет и — в Ленинград, домой. К себе домой.

— Прядильно-ткацкое производство для девочек самое подходящее, — рассуждали в пути выпускницы детдома. — В цехах тепло, ткани для страны надо много, работы — непочатый край! Значит, заработаем...

Только Собинская фабрика, куда привезли будущих ФЗОшниц, отметила их приезд май-

ским пожаром, и подростков спешно перевезли в город со сказочным названием Гусь-Хрустальный.

Город стекольных мастеров Люсе понравился. Там делали красивейшие вещи из хрусталя, там протекала река с забавным названием Гусь, и там Люся обнаружила полуразрушенную церковь с росписями внутри, напоминающую её тайное место в деревне Хайдак. Девочка наткнулась на храм случайно, в поисках больницы, когда, упав, повредила руку. И так обрадовалась своей находке, что, придя домой, не замедлила поделиться радостью. И как-то же было её удивление, когда выяснилось, что хозяйка дома, где теперь проживала Люся и её подруга, имеет к этой церкви прямое отношение.

Отец и муж Марии Васильевны Орловой (так звали хозяйку) были священниками и служили как раз в этой церкви. Отец давно умер. Мужа арестовали в 1937 году, больше вестей о нём не было. Мария Васильевна жила одиноко, сдавала комнату. Вот и этих двух девчушек приютила... Люсины расспросы растеребили старые раны женщины и вывели на душевный разговор. Проговорили они весь вечер и о Боге, и о войне, и о том, как трудно выживать в этом мире.

Женщина сердобольно предложила девчонкам свою помощь в сохранности денег: «Вы их мне отдавайте, я буду покупать продукты и готовить! Сами-то поди не умеете?» И бесхитростные подростки с радостью согласились. Совершенно не умея управляться с деньгами, они стали отдавать всё, что имели. Но в первые же осенние холода поняли свою ошибку.

Девчонки спешили домой примерить выданное обмундирование. А Люся — ещё и подаренный воспитательницей беретик (такая забота сделала её безмерно счастливой). Обе наперебой крутились перед зеркалом в новеньких бушлатах и ботиночках на босу ногу.

— Ну и как вы в этом без порток и чулок ходить собираетесь? — посмеялась хозяйка.

Подруги переглянулись:

— А вы нам разве не купите?

— На что? Я тоже себе обнову справила, — Мария Васильевна накинула на плечи богатый пуховый платок. — Не всё ж деньги проедать!

Вот так, пробежав до зарплаты в чужих заплатанных чулках, девчата усвоили первый жизненный урок.

* * *

Метрики...

Как выяснилось, Люсины метрики в графе «родители» имели прочерк, а у фамилии исчезло окончание «ова». И девочку вызвали в кабинет к руководству училища.

— Ты должна привести документы в порядок. Взять отчество Владимировна, в честь В. И. Ленина, — советовал ей важный мужчина в форменной одежде, а Люся категорически отказывалась с этим мириться.

— Моего папу звали Георгий Фёдорович! Его в Ленинграде все знали, — она опять хотела добавить про шинель и кокарду, но сказала лишь: — Мама звала его Георгий.

— Ты, Ранфиус, нас не путай! — возмущался директор.

— Я Ранфиусова! Люся Ранфиусова! Родилась 25 июня 1935 года, в 8 утра, в Ленинграде, — отчеканила она в ответ заученную фразу.

— Хорошо, будешь Ранфиусова Людмила Владимировна!

Разговор был долгим, силы неравными, и девочка сдалась. Без метрики жить нельзя, а с чувством, что предала отца — больно и обидно! Получив документы на имя Ранфиусовой Людмилы Владимировны, Люся отправилась в Собинку — город, куда изначально и была направлена из Канского детского дома.

СОБИНКА

— Как хорошо, что общежитие на территории фабрики! Пять минут ходу, — радовалась Люся, — так долго, как в Гусе, по холоду бегать не придётся. — Чулки она себе приобрела, а вот с нижним бельём — просто катастрофа — так изнашивалось, что даже сушить на общей верёвке стыдно. А в комнате, куда её поселили, проживают ещё десять человек взрослых и дети. Обсмеют.

Неумело тыкая иголкой в разъезжающуюся ткань, Люся самостоятельно пыталась залатать очередную дыру, когда к ней подошла соседка по комнате — Александра. Все старания девоч-

ки по ремонту белья были напрасны — рядом с зашитой дыркой появлялась новая, только Люся усердно продолжала свой труд, потому что холодно, а до зарплаты надо ещё дожить. Александра — мама двух малолетних детей, давно пригляделась к детдомовской неумехе и решила помочь ей, предложив знания житейских премудростей в обмен на присмотр за своими чадами.

Первое, чему она научила Люсю, — это то, как можно сшить своими руками нижнее бельё. Идея научиться шить самой глубоко засела в Люсиной головке. Это же здорово! Только из чего шить? Денег на материал нет, вещей для перешивания — тоже. Недолго думая, девчонка решила взять для воплощения своей мечты простыню, совершенно забыв, что она казённая. Всё свободное время, допоздна, Люся усердно шила, стежок за стежком соединяя половинки кроя. Торопилась — скорее надеть первую, ею самой сшитую вещь. И когда, наконец, труд был закончен, радостная и счастливая, облачившись в новьё, она спешила на рабочую смену.

Проходная. Это самое волнующее место фабрики. За шаг до неё — ты просто человек, а перейдя рубеж со строгим вахтёром, для которого нет важнее документа, чем пропуск, — становишься причастным к великому делу социалистического труда! Его величество рабочий класс! Именно там, за пределами проходной, ты выполняешь работу, за которую платят деньги. Деньги, на которые можно купить и еду, и чулки, и бельё. Надо только хорошо работать. Хорошо и много. А пропуск у Люси, конечно же, был, только не в этот день...

— Нет пропуска — не пущу! — непримиримо твердила женщина-вахтёр зареванной девчонке.

— Ну как он мог пропасть, ну куда деться? — недоумевала Люся и продолжала слёзно упрашивать пропустить её в цех, потому что смена уже идёт, а она здесь, и она вовсе не прогульщица... Ей уже 14 лет, и она понимает всю серьёзность положения... Но, увы, уговоры бесполезны. Девочке велено идти в общежитие, в свою комнату, и там дожидаться прихода табельщицы. Табельщица тоже не пожелала слушать никаких объяснений, а повела виновницу к руководству фабрики.

Страх перед наказанием был так велик, что у Люси буквально перехватывало дух, тряслись руки, ноги. Недоумение: куда же делся её пропуск? — поглотило все прочие мысли.

— Лишь бы не уволили, — твердила про себя Люся, пока шла до кабинета директора.

— Вот она — воровка, что таскает простыни на продажу! — громом обрушилось на Люсю обвинение табельщицы, и потерянный пропуск звучно шлепнулся на стол.

Обескураженная, разбитая напраслиной девчонка не нашла слов в оправдание и сделала то, что ни сделала бы никогда, ни при каких условиях, тем более в присутствии мужчины.

— Я не продавала, я сшила, — прошептала она с пересохшим горлом и задрала подол платья, показав собравшимся своё швейное творение. Сострадания её поступок не вызвал, но уволить — не уволили!

Судили как нарушительницу трудовой дисциплины и растратчицу собственности предприятия. Суд состоялся в начале 1950 года, и наказание было серьёзным — удерживать по 25 процентов от зарплаты в течение 6 месяцев, с исключением этого периода из трудового стажа. Дороже штанов у Люси за всю жизнь не было.

* * *

Выживание на хлебе и сладком чае для девчонки было тяжелым, но привычным. Ленинград и Канск напомнили о себе. Скрашивала ситуацию дружба с соседкой Александрой. Её советы, как помощь старшей сестры, много значили для вступающего во взрослую жизнь подростка. А Люся, в благодарность, активно занималась с детьми.

Первая полная зарплата — праздник, радость, свобода! Люся шагала по улице, крепко сжимая в руках своё единственное сокровище — книгу, на обложке которой красовалась надпись: «Порт-Артур, Цусима». Она давно решила: с каждой большой полочки покупать по книге, вместо тех, сожженных в Ленинграде. Чтобы, как раньше, книжные стеллажи в её квартире подпирали потолок. И она обязательно прочтёт много книг, как папа. А эту выбрала потому, что моряки, изображенные на обложке,

ей напомнили тех, стоявших у дверей их квартиры в бушлатах с блестящими пуговицами. И если папа её сейчас видит, то наверняка рад за свою маленькую сильную Люсю.

Приятная новость облетела цеха фабрики — набор молодого пополнения для работы в городе Грозном. Люся вызвалась ехать первой. Желание оказаться в краю, где тепло и на улице растут персики, отвлекло от мысли возвращения в Ленинград. «Домой вернуться успею, а возможность пожить в большом теплом городе выпадает не каждому», — размышляла она, воодушевлённая предстоящим переездом.

В назначенный час, с вещами и трудовыми книжками, где уже стояла запись о том, что они теперь работницы Грозненской фабрики, девчонки столпились в ожидании представителя из города Грозный. Все собравшиеся в дорогу смеялись, шутили, а сердечко Люси взволнованно отстукивало лишь ему понятный ритм. Приехавший за новыми работницами мужчина громко объявил: «Едут все, кроме Ранфиус!» Холодная стрела пробила грудь. Почему? Вот же она, запись в трудовой. Голова закружилась. Накатились слёзы. Обидно. Люся пыталась узнать причину, уговорить... Бесполезно. Без каких-либо объяснений мужчина развернулся к ней спиной и скомандовал посадку для отъезжающих.

Одна, в облаке пыли со своим небольшим багажом, Люся глядела сквозь слёзы на машину, увозившую в теплый город с персиками всех её подруг. Очередное крушение надежд напомнило отъезд друзей из Хайдака, и очень-очень захотелось вновь попасть в тот полуразрушенный храм с нарисованным Георгием Победоносцем, где девочка Люся, никем не замеченная, выплакивала свои детские обиды.

Ну как доказать самой себе, что ты не хуже других? Что тебе дано многое — найди в себе силы, научись правильно пользоваться этим даром. Ты же смелая. Вперёд! В долгих раздумьях, смачивая слезами подушку, Люся всё же нашла выход и записалась сразу в несколько кружков. Теперь она посещает изостудию, учится шитью, вышивке и вязанию. Всё вроде налаживается! Девушка взрослеет. Появилась своя компания друзей. Молодые люди не обращают внимания, и мечта вернуться домой, в Ленинград, отошла на задний план.

Тихая размеренная жизнь провинциального городка вполне устраивала Люсю. Всё так и шло бы своим чередом, если бы не случай.

У лучшей Люсиной подруги — Тамары (имя как у погибшей в блокаду сестры) нашлась мама, живущая в Москве. Эту весть обе девушки приняли одинаково радостно. Они в последнее время были настолько дружны, что решение взять расчёт и поехать в Москву вдвоём даже не обсуждалось. Перспектива жить и работать в столице, где для любого приехавшего должны открыться большие возможности, ослепляла! В девятнадцать лет, оставив работу, казённое жильё и друзей, Люся последовала за девушкой с родным ей именем, как за сестрой, веря в дружбу, взаимовыручку и поддержку.

МОСКВА, ПЕТУШКИ

Как же неприятно получать отказ! Быть обузой для чужих! Тамарина мама злится, хоть и старается не показывать. Она вовсе не собиралась пускать Люсю на постой. А та — совсем загостилась.

— Ищи работу! — торопит подруга. Ей проще — она же дома, у мамы. А Люсе куда идти? Где возьмут без прописки? Всюду отказ!

До этого девушке не приходилось самой искать работу! Она уже обошла не одно предприятие — безрезультатно. Нет прописки — не берут, а прописаться — невозможно. Замкнутый круг. Видится один выход — вернуться в Собинку, но именно он самый нежелательный.

Изучив очередной раз все объявления о работе, вывешенные в районе Курского вокзала, в надежде найти новое или ранее не замеченное, Люся забрела в тихий дворик и присела на лавочку. Жалость и обида на саму себя захлестнули ей душу настолько, что глаза невольно блеснули слезой. Девушка совсем отчаялась и всерьёз подумала об отъезде.

— Вот стыдоба — вернуться в Собинку! — рассуждала она вслух. — Всем на посмеяние! Пример — как не надо делать. Дура я, дура!

Люся полностью погрузилась в раздумья и просидела час или два, утирая слезы, пока её мысли не прервал женский голос: «Что случилось, милочка?»

Как тут не поверить в сказки? Изабелла Степановна Ойстрах, мама того самого гениаль-

ного скрипача, о котором Люся успела узнать из афиш, приняла участие в судьбе девушки, предложив стать помощницей по хозяйству. Люся не верила своему счастью. Она мигом забрала из дома Тамары нехитрые пожитки и приступила к новым обязанностям. Учиться пришлось всему: правильно мыть полы, убирать дом, выбирать в магазинах и на рынке продукты, готовить. Тяжесть домашнего труда, не привычного для ФЗОшницы Люси, смягчала доброта и общительность хозяйки.

Изабелла Степановна была прекрасным учителем. А ещё она с интересом расспрашивала Люсю о родных, о жизни в детдоме, об учёбе в ФЗО, о работе на фабрике. Та же, видя в этом не праздное любопытство, а участие и сострадание, охотно делилась своими воспоминаниями.

Москва! Огромный город, всюду спешащие люди, автобусы, троллейбусы, метро. Интересно, непривычно, пугающе. Люся терялась в большой толпе, а на рынке могла спокойно упасть в обморок при виде говяжьей туши. И самое странное — боялась находиться среди высоких, рядом стоящих домов. Казалось, они зажмут её в каменные тиски и раздавят, или обрушатся, как в бомбежку в Ленинграде.

А ещё поначалу она сильно побаивалась знаменитого сына своей хозяйки — Давида Фёдоровича — не приходилось раньше встречаться с музыкантами, профессорами. Люди такой известности казались ей небожителями.

Вот она простая детдомовка, с придуманным отчеством и сомнительной фамилией. Что толку её воспоминания. Им надо ещё поверить! А тут: хозяйка — в театрах пела, сын — гениальный скрипач и внук...

Игорь был на 4 года постарше и в тот момент оканчивал консерваторию. Молодой, красивый, талантливый... Люся так часто слышала о нём восторженные отзывы бабушки, что любовь к этому юноше прокралась и в её сердечко. Мудрая Изабелла Степановна всё поняла и, пытаясь объяснить влюблённой девушке, что между её внуком и домработницей не может быть такого рода отношений, предложила сильную помощь в поисках другой работы.

Люсе хотелось бежать! Бежать подальше от Москвы. Она — не прислуга! Она имеет профессию, и хорошую профессию — прядиль-

щица — его величество рабочий класс! И в Подмоскowie обязательно найдется фабрика, где ее ждут! Таким местом оказался Орехово-Зуевский текстильный комбинат. А прописку удалось получить поблизости, у жителя железнодорожной станции Петушки. Сорок минут в электричке Люсю не пугали. Таких, как она приезжих, на фабрике оказалось много, и девушка влилась в рабочий коллектив, позабыв про московские обиды.

Хорошо сложились отношения и с квартирным хозяином. Донской казак, выдавший виды вояка, отец трех прошедших всю войну сыновей проникся душой к истории своей постоялицы. Выслушивая очередной раз Люсины воспоминания, он решил оказать ей помощь в розысках информации о семье и об отце.

Случилось так, что в гости к хозяину Люсиной квартиры приехали люди из Ленинграда. За чаем они расспросили девушку про жизнь до эвакуации и обо всём, что она смогла запомнить, будучи ребёнком.

Бежали дни, недели. Люся не теряла надежды на помощь ленинградских гостей, и вот оно — заветное письмо на её имя.

«Мне не стоило труда найти... только фамилию произнёс... откликнулись, рассказали и о Георгии Фёдоровиче, и о его семье. Не простой был человек...» — прочла она сквозь слёзы.

ЛЕНИНГРАД

За окнами мелькали станции городов, деревня, одинокие полустанки, переезды, поля... Вот и всё! Конец одиночеству!

Люся возвращалась туда, откуда вывезли её ещё малышкой, в Ленинград. Сердце замирало в волнении, время тянулось бесконечно. А на вокзале ждала встреча с родственницей по линии отца. Оказывается, у папы много родни в селе Дубно и Люся не одна в этом мире, не одна...

Письмо, полученное от родственников хозяина съёмной квартиры, для девушки было самой великой ценностью. Люсе написали, что имя её отца известно и уважаемо, что его помнят. «Мне не стоило труда найти... не простой был человек», — цитировала она наизусть заученные строки. В письме указывались полностью имена Люсиных родителей, ленин-

градский адрес, по которому проживала её семья, адрес человека из милиции, который обещал помочь, и адрес организации, куда ей самой необходимо написать. Люся написала. Стали приходить письма с документами. И среди прочего — бумаги, отмеченные печатью «Красной звезды», по которым отслеживалось продвижение по службе Георгия Фёдоровича Ранфиусова. Заканчивался послужной список декабрём 1940 года. А дальше? Дальше была война.

Ах, с каким душевным трепетом Люся рассматривала синеватые, от копирки, листки бумаги! Она по многу раз перечитывала их, вспоминая эпизоды из счастливого детства: совместные с папой прогулки, фуражку с кокардой, запах шинели... улыбку на папином лице, когда она, малышкой, поднимала ладошку ко лбу, чтобы отдать честь. «Папина дочка», — говорили встречные и тоже улыбались. «Папиной дочкой» её называли и служащие Гауптвахты (так называлось последнее место службы отца), и соседи по дому, и даже врач в больнице, где ей зашивали рану на подбородке после падения со стремянки. Она — дочь Георгия Фёдоровича Ранфиусова и обязательно изменит своё отчество в документах на — Георгиевна. Теперь-то ей точно поверят. Ведь по переписке Люся нашла бабушку (маму Георгия Фёдоровича), о существовании которой даже не догадывалась, выслала в Дубно свою фотографию и получила приглашение приехать. Но сначала в Ленинград!

Взяв на работе расчёт, так как в отпуске ей отказали, Люся летела навстречу светлой мечте о потерянном счастье.

Она едет туда, на Кировский проспект, в дом 45, в их квартиру, где осталось так много воспоминаний...

* * *

Они со встретившей на вокзале родственницей подошли к дому со стороны проспекта, к парадному подъезду. «Что бы ни случилось, помни...» — всплыли из глубины памяти слова и голос... Голос мамы...

Ещё на вокзале Люсю захлестнула волна страха. Да-да, не радости от встречи с родственницей, о существовании которой она даже

не подозревала, а именно страха. Страх увидеть что-то, о чём не хотелось бы помнить...

Люся осмотрелась вокруг. На противоположной стороне всё так же красовался дом, который в детстве она называла дворцом, а папа — домом Эмира. По обеим сторонам проспекта дома стояли вплотную друг к другу, как одно длинное строение с меняющимися фасадами. А этот выделялся среди них особой архитектурой. И когда семья Ранфиусовых выходила из парадного, Люся обязательно поглядывала на загадочный дом Эмира — а вдруг приехал принц и её ждёт неповторимое зрелище? Она глядела на него и в тот страшный день, когда вышла поделиться с прохожими своим первым и самым страшным горем.

Люся повела родственницу через арку во двор — там был другой вход, со стороны Карповки... В этот двор подъезжала машина, привозившая папу со службы... Именно с этого входа той страшной зимой они, обессилевшие от голода, ходили с мамой на реку за водой. Несли — кому сколько под силу, лишь бы не упасть на обледенелых, заснеженных ступеньках, не расплескать. У Люси был свой бидончик, а у мамы — ведёрко. Только Люся ходила всего два раза. А потом её просто не выпускали на улицу.

Ступеньки в подъезде... Раньше они казались Люсе шире. Знакомые витражи... Второй этаж... И вот она, квартира номер девять. Чем ближе подходила Люся к двери, за которой было похоронено её детское счастье, тем сильнее захватывало дух, а сердце готовилось выпрыгнуть.

Дверь открыла Роза Осиповна. Та самая Роза Осиповна, что приносила им кисельную похлёбку. Увидев Люсю, женщина замахала руками, будто увидела привидение, страшно закричала и лишилась чувств. На крик сбежались соседи.

Пока родственница объясняла ситуацию, Люся, осматриваясь вокруг, прошла в комнату, которую помнила с детства. Окна, стены, потолок — те же, только комната чужая. Нет того, что было ей дорого, что она так любила в детстве: большого зеркала, двух напольных ваз, стоявших по обе стороны от него, нет её детских игрушек и книг... Конечно, теперь здесь живут другие люди и течёт другая жизнь. Люся

застыла у окна, глядя на улицу воспоминаний. Зажмурилась — пурга, лёд, сани с зашитыми в ткань трупами, еле передвигающиеся люди, ведра с водой. Краем уха она услышала разговоры жильцов, обернулась и ещё раз пробежалась глазами по комнате: стены, пол... Сердце сжалось — вот тут лежала мама, зашитая в голубое одеяло, а там — Люся прошла к входным дверям — когда-то стояли матросы в бушлатах, ждали папу. Какими они казались ей важными...

* * *

Жильцы, всё это время ходившие следом, обступили девушку. Каждому хотелось рассказать что-то из того, что помнили и знали. Оказалось, после войны Люсю разыскивали сослуживцы отца. Дважды они приходили на квартиру, рассказывали, как погиб Георгий Фёдорович в бою на Невском пятачке, как смертельно раненным просил найти его младшую дочь и позаботиться о ней. Мама Люси умерла в середине февраля. Сестра Тамара, помогая в госпитале, домой возвращалась поздно, и Люся оставалась одна. Но недолго. Кто-то из соседей видел, как упавшую во дворе девочку подобрала женщина в милицейской форме. Это случилось недели через две после смерти матери. А ближе к апрелю перестала появляться в квартире Тамара. Позднее стало известно, что она попала под бомбёжку. Никто ничего не знал о дальнейшей судьбе Люси. Соседи считали её погибшей, поэтому, видимо, сослуживцы и прекратили поиски.

Люся не помнила женщину в форме, она лишь смутно припоминала, как её расспрашивали о семье, о родителях и что-то записывали в карточку. Весть о том, что её искали по просьбе папы, что, возможно, он был жив до её отправки в эвакуацию и знал, что Люся осталась одна, ещё больше растеребила старые раны. Девушку душили слёзы.

Когда Роза Осиповна отошла от шока, она пригласила Люсю к себе на чай. И первым делом, чтобы разрушить все сомнения, попросила показать родимое пятно. Кто бы мог подумать, что эта родовая метка поможет девушке получить свои законные метрики и вернуть отчество, которым она так хочет гордиться.

В комнате Розы Осиповны Люся увидела несколько знакомых с детства вещей, принадлежащих её семье. Взволнованная соседка объяснила, что всё это было куплено у Тамары в период голода. Тамара вообще успела распродать всё, что было ценного у Ранфиусовых, но есть одна вещь, с которой она, Роза Осиповна, готова расстаться — фотография. Коричневого цвета снимок, на котором мама, папа Люси и маленькая Тамара, был сделан в первый год их заселения в квартиру и подарен соседке. Более ценного подарка Люся не желала. Она попросила Розу Осиповну помочь в вопросе исправления своих документов и поспешила покинуть квартиру. Со смешанным чувством боли и радости Люся отдалялась от дома, в который так долго мечтала вернуться.

Они вышли на набережную Карповки, прошли мимо того самого первого детдома или детприёмника, Люся не знала, как точно называлось это учреждение, но помнила, с какой грустью она смотрела оттуда на свой родной дом, когда их выводили на прогулку. Потом зашли в сквер, где всё так же цвёл белый клевер, присели на скамейку — Люсе нужно было немного успокоиться, и, отдохнув, отправились на вокзал.

Им предстоял путь через Ладогу, в село Дубно, к родне, о которой девушка узнала из переписки.

РОДНЯ

Странное чувство пустоты не покидало Люсю. Она смотрела на водную гладь, а перед глазами — ряды плотно прижатых друг к другу детей и бледная ладошка Нины Виноградовой. Военный, переносивший её, ослабевшую девчушку, на руках. Долгий, долгий переезд и местные жители, протягивающие прибывшим в поезде детям еду...

«Зачем нужно было везти ребёнка так далеко, если вот здесь, рядом, целая деревня родных, и даже бабушка, которую Люся не видела с рождения?» — эти мысли не давали ей покоя на протяжении всего пути.

В Дубне дочку Георгия встречало много народа. Все что-то говорили и говорили, а Люсе было всё равно. Нахлынувшая волна воспоминаний не отступала. Всё было чужое. Хотелось убежать в ту полуразрушенную церковь в де-

ревне Хайдак, где она, ребёнком, выплакивала свои обиды и горести. Здесь почти все жители села приходились ей родственниками, пусть даже дальними, только почему-то не искали её, как папины сослуживцы...

Люсю приняла у себя тётя, самая зажиточная из родни.

С первых дней девушку окружила молодёжь: двоюродные, троюродные братья и сёстры. Они сопровождали гостью по домам родственников и между делом показывали местные красоты: леса, луга. Пусть ничего не шло в сравнение с тайгой, зарослями марьиного корня, с синими подснежниками у дальних сопок, но Люся немного забылась от печальных воспоминаний. Она даже попыталась представить свою жизнь здесь, среди родственников, в окруженном водой селе, с передвижением от дома к дому на лодках или по деревянным мосткам, и с рыбой как основным продуктом питания.

Всё изменил случай.

На глаза Люсе часто попадалась бедно одетая старушка, которую родственники подкармливали остатками со стола. Она ходила по улицам словно привидение — медленно, ни на кого не обращая внимания, поглощённая своими мыслями.

Люся встретила с ней нос к носу у крыльца дома, в котором гостила, и сообщила хозяйке. Та вынесла старушке таз рыбных костей и грубо проводила. Каким же было удивление Люси, когда она узнала, что эта старушка — её прабабушка. Ей уже больше девяноста лет, она совершенно нищая, но родственники не должны с ней общаться. Как это не должны? Люсе никто не запрещал. Она догнала старушку и завела беседу. Проговорили до вечера. Оказалось, нищенская доля и отсутствие пенсии — наказание за прошлую богатую жизнь. Ведь при царе Люсина прабабушка имела добротный дом на берегу Петровского канала, владела рыбацкими судами, имела наёмных работников и жила, ни в чём не нуждаясь. Революция лишила женщину и мужа, и дома, и уважения родни. Всё, что у неё осталось от прошлой жизни, — это поросший бурьяном каменный фундамент бывшего дома — единственный свидетель бед, свалившихся на голову их когда-то состоятельной семьи. Она не обижалась на детей — выжили как умели при новой власти. И сама,

слава богу, пожила, смогла увидеть и внуков, и правнуков. А таз рыбных костей для неё сейчас щедрое подаяние. Она варит из них похлёбку.

Люсе не давал покоя рассказ прабабушки. Она сама не раз переживала голод, знала, как это тяжело, и не могла понять, почему столько родных людей не могут накормить одну древнюю старушку. Ей очень хотелось сделать бабушке что-то приятное, угостить чем-то вкусным. И Люся позволила себе взять пару свежих куриных яиц без разрешения хозяйки дома. Был скандал. Тётка грубо отчитала гостью, запретила впредь совершать подобное. И жалела она не яйца, а то, что отнесли их нищей старухе и близкой родственнице.

Не видя грани между добром и злом, Люся решила покинуть Дубно. Загостились, пора в Ленинград. Получит новые документы, прописку и попытается устроиться в городе.

Документы Люся выправила, а вот с проживанием и пропиской история получилась нехорошая. Люся не стала никого просить о содействии, даже соседку Розу Осиповну, а решила действовать в одиночку, чувствуя себя для этого вполне самостоятельной.

Человек, от которого зависело решение вопроса с пропиской, повёл себя в отношении девушки крайне неприятно: однозначно дал понять, что за его услуги необходима плата. А если у неё денег нет, то проблему можно решить и «через диван».

Рассказывать об этом Люся не решилась никому. Ей было стыдно даже вспоминать об этом, где уж там рассказывать... Позор какой-то. Она никогда на такое не пойдёт, никогда.

«Да ни за что! — возмущалась оскорблённая Люся. — Страна большая, есть много других городов. Главное, что у меня теперь правильные документы, настоящее отчество, на руках свидетельство о рождении. А дальше — я сама».

Очередной раз оставшись одна, Люся сидела в вагоне поезда, уносившего её в неизвестность. Впереди девушку ждали новые города, новые встречи и новые потери, молодёжная стройка, работа прядильщицей на фабрике, проводницей в поездах дальнего следования, учётчицей в московском железнодорожном депо, завхозом в школе-интернате, и Орехово-Зуевский текстильный комбинат, принявший обратно свою угомонившуюся беглянку. Поза-

ди оставался Ленинград — впереди новая самостоятельная жизнь Ранфиусовой Людмилы Георгиевны. Молодость звала вперёд. И дочка Георгия Фёдоровича, смелая Люся, уверенно шагнула в будущее.

ЭПИЛОГ

Ленинград? Люся не любила про него вспоминать. Чувство безвозвратной утраты самого дорогого, крушения надежд и боли воспоминаний — вот что вызывало это слово.

Она по-ленинградски «чтокала» — явно выделяя букву «ч», называла подъезд — парадным, дорожный бордюр — поребриком и все годы жизни свято хранила память об отце.

Уверенная в его прижизненной исключительности и геройском подвиге, гордо произносила: «Мой папа — Ранфиусов Георгий Фёдорович!», но не имела у себя ни наград отца, ни сведений о том месте, где увековечена память о нём. Даже синими копирками с печатями «Красной звезды» пришлось пожертвовать — то ли при оформлении пенсии, то ли для получения звания «Житель блокадного Ленинграда».

Книжка «Порт-Артур, Цусима» пережила свою владелицу. Она не пополнила стеллажи бывшей библиотеки отца, а скромно стояла среди других книг небольшого книжного шкафа, храня на внутренней стороне обложки полную светлых надежд запись пятнадцатилетней девочки.

Другой ценной памяткой невысказанной боли осталась желто-коричневая фотокарточка, полученная Люсей от Розы Осиповны в Ленинграде — единственное, что осталось от довоенной светлой жизни. На ней молодая, модно одетая женщина, мужчина в военной форме и ребёнок лет трех. С обратной стороны надпись: «Мои мама, папа и Тамара!»

Светлана ТЮРЯЕВА —

член Союза писателей России.

Родилась и живёт

в г.Петушки Владимирской области (Россия).

Дипломант и призёр нескольких литературных конкурсов, в том числе и конкурса «Владимирская книга года» за 2018, 2019, 2021гг. Публиковалась в журналах: «Берега», «Московский базар», «Клязьма»; литературно-краеведческом сборнике «Владимир», поэтическом альманахе «45-я параллель», в международном поэтическом альманахе «Артелен», в сборнике патриотической поэзии «Оберег» (СПР) и «Язык победы» (Владимирское отделение СПР).

